

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФОРМ ЧИСЛА СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЛИТОВСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

НИЙОЛЕ БРАЖЕНЕНЕ

Особое место по отношению к грамматической категории числа имен существительных занимают собирательные существительные. Не все грамматики английского языка выделяют в категории числа группу собирательных существительных. Так, в грамматике Р. Кверка и др. [Quirk et. al., 1972, p. 166] существительные *cattle, clergy, gentry, police* называются неизменяемыми существительными множественного числа (*invariable unmarked plurals*). Однако Г. Суит, Д. С. Несфилд, Р. В. Зандворт и другие лингвисты называют эти существительные собирательными и определяют их семантику и употребление [Sweet, 1927, p. 55; Nesfield, 1931, p. 9; Zandvoort, 1960, p. 100].

Ученые по-разному определяют эти существительные, что обусловлено сложностью их значения. Как утверждал О. Есперсен [1958, с. 225], „собирательность в логическом отношении, с одной стороны, есть единичность, а с другой, — множественность“. В. В. Виноградов [1972, с. 131], выделяя собирательные существительные на семантической основе, считает, что к ним относятся слова, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как неделимое целое. Р. А. Будагов [1965, с. 260] утверждает, что „... собирательное значение является своеобразной разновидностью значения единственного числа“. Таким образом, одни ученые основным фактором установления собирательности в слове считают грамматическое выражение данных существительных, другие на первый план выдвигают семантический аспект собирательной лексики.

Синтаксические связи собирательных существительных с другими частями речи отражают характер денотата, показывают наличие в них или объединительной, или раздельной собирательности: *stowd is/stowd are*. В литовском языке эти связи в большей степени определяются строгими, устоявшимися правилами согласования, поэтому собирательные существительные заменяются местоимениями в форме единственного числа (*jaunimas — tas, minia — ji*). По сравнению с литовским в английском языке синтаксические связи собирательных суще-

ствительных значительно свободнее. Одной из специфических черт собирательных существительных английского языка является их согласование с другими частями речи в формах единственного и множественного числа даже в рамках одного предложения, что абсолютно не свойственно литовскому языку. Например:

The *council* says frankly that it is difficult for *them* to help because of long waiting lists (Daily World).

„I don't know what the *Government* is going to do, Roy,“ he said, „but *they* are going to do something“ (Aldridge).

The *crowd* was already thinning out considerably – *some* bound for the theatres, *some* to their clubs (Dreiser).

When a *family* starts quarrelling among *themselves*... (Caldwell).

Собирательные существительные *council*, *government*, *crowd*, *family* в одном и том же предложении согласуются со сказуемым в форме единственного числа (соответственно *says*, *is*, *was*, *starts*), а с местоимением – во множественном числе (соответственно *them*, *they*, *some*, *themselves*). В последнем предложении предлог *among* также указывает на денотат существительного *family* с раздельной собирательностью. Предложения такого типа, а их в английском языке довольно много, нельзя считать неправильными, не соответствующими языковым нормам. По словам О. Есперсена [1958, с. 226], „это лишь естественное следствие двойственной природы таких слов“.

Общая характеристика собирательных существительных обоих сопоставляемых языков, определение характера их денотата служат основой для дальнейшего изучения группы этих существительных, для выделения различных стилистических оттенков. Не все собирательные существительные одинаковы в стилистическом отношении. Одни из них определенную стилистическую окраску получают в соответствующем контексте, другие – стилистически коннотативны и вне контекста (адгерентная и ингерентная коннотация).

В литовском языке собирательные существительные *studentija*, *profesūra*, *žmonija*, *valstietija* и др. характерны для книжного языка. В разговорной речи таким собирательным существительным обычно соответствуют стилистически нейтральные, употребляемые во всех стилях слова в форме множественного числа: *studentai*, *profesorai*, *žmonės*, *valstiečiai*.

Морфологические признаки слова в английском языке не являются показателем стилистической принадлежности того или иного собирательного существительного. Обычно сфера их употребления определяется контекстом. Грамматически собирательные существительные в сопоставляемых языках выражаются одинаково – они имеют форму

единственного числа. Однако некоторые из них могут иметь и форму множественного числа. Одна треть всех английских собирательных существительных имеет множественное число (*crowd, family, group, society*), для остальных двух третей эта форма не типична (*frogger, peasantry, public*) [Котова, 1964, с. 19]. В литовском языке форма множественного числа более характерна для существительных, имеющих лексическую собирательность (*šeima, minia, grupė*), а суффиксальные образования (*jaunimas, profesūra, studentija*) обычно употребляются в единственном числе. Однако подобное употребление отнюдь не является правилом. Так, собирательные существительные *visuomenė, kariuomenė, žvaigždynas*, хотя и являются суффиксальными образованиями, имеют и форму множественного числа. Следовательно, ни в литовском, ни в английском языке морфологическое оформление собирательных существительных еще не говорит о том, могут ли они иметь форму множественного числа. Основным показателем в таком случае является лексическое значение собирательного существительного. Р. А. Будагов [1965, с. 258] считает, что „множественное число, в частности, не образуется в тех случаях, в которых значение имен не позволяет его образовать. Таким образом, грамматическое множество как грамматическая категория своеобразно взаимодействует с лексическими группами слов и через их посредство с предметами и явлениями окружающего мира“.

В обоих сопоставляемых языках множественное число собирательных существительных имеет два значения. Одно из них — дискретная множественность, сумма одинаковых предметов, элементов, лиц. В таком случае собирательные существительные переходят в другой разряд и трактуются как исчисляемые существительные: *trys šeimos, two groups*.

Второе значение множественного числа собирательных существительных, помимо простой множественности, выражает еще и увеличенную, гиперболизированную множественность. Такое множественное число собирательных существительных характерно для художественно-беллетристического стиля, разговорной речи. Часто эта форма употребляется в поэзии, где особенно ярко проявляется субъективная оценка. Например:

*They pass me by like shadows, crowds on crowds
Dim ghosts of men that hover to and fro (Russell Lovell).
Bet minios vis eina, / Ir pergalės dainą
Dainuoja siekėjai šviesios ateities (Janonis).
Draugiškai man ranką tiesia
Minios, — aš liaudžiai sava (Nėris).*

Особенно яркий стилистический оттенок форма множественного числа придает тем собирательным существительным, которые обозначают различные явления природы. В. В. Виноградов [1972, с. 137] пишет, что „из значения собирательности развилось также значение интенсивности, длительности или частой повторяемости при обозначении явлений природы: холода, морозы, жары, дожди“. Особенно выразительна эта функция в художественной литературе. Например:

Audros bunda, stiebus laužo / Vidury nakties (Nėris).

Blow, winds and waft through all the rooms

The snow-flakes of the cherry-blooms (Longfellow)

Pavasaris atėjo šiltas, su tirštais lietumis (Baltušis).

Nes mes labai sunkiai vertėmės ant to smėlio sklypo, iš kurio vasaros *kaitros* paskutinį lašą vandens išgerdavo (Cvirka).

January and February of 1864 passed, full of cold rains and wild winds,... (Mitchell).

The possessive instinct never stands still. Through florescence and feud, frosts and fires, it followed the laws of progression even in the Forsytes family... (Galsworthy).

Во всех этих случаях существительные, называющие явления природы в форме множественного числа (*audros, lietūs, kaitros, rains, winds, frosts, fires*), кроме интенсивности действия, обозначают еще и его многократность, частую повторяемость. Как показывает собранный материал, эта функция множественного числа типична для обоих сопоставляемых языков.

Если собирательность и в английском, и в литовском языках свойственна лишь определенной, довольно ограниченной группе существительных, то, как замечает Р. А. Будагов [1965, с. 261], в стилистическом плане в таком значении могут употребляться самые разнообразные существительные. Например:

Kaimas krūptelėjo, susigūžė, išgirdęs pirmuosius šūvius. Moterys šoko sandariau dangstyti langus, vyrai metė prie durų sukę pančius (Avyžius).

You never see a fault in anybody. All the world are good and agreeable in your eyes (Austen).

The town has gone mad, I think. They are for tearing the palace down and driving us into the sea straight away (Shaw).

Существительные *kaimas, world, town* получают значение собирательности метонимично. „Довольно часто, — замечает Ю. Пикчилингис [Pikčiilingis, 1975, p. 241], — слова, обозначающие место действия — *nomina loci*, обладают значением деятелей — *nomina agentis* — или же то, что в нем имеется“. В упомянутых предложениях *kaimas, town* понимается как все его жители, *world* — все люди и т. д. В грамматическом

отношении такие существительные, став собирательными, ничем не отличаются от обычных собирательных существительных: в английском языке они согласуются со сказуемым в форме единственного или множественного числа (*world – are, town – has*) в зависимости от того, какого рода собирательность выражается; в литовском языке характер их собирательности определяется синтаксическими связями с существительными, местоимениями и другими частями речи (*kaimas: vutai, moterys*). Такие переосмысленные существительные обычно имеют форму единственного числа и получают стилистическую коннотацию в художественно-беллетристическом, публицистическом или повседневно-бытовом стилях.

Значение собирательности часто получают собственные имена существительные, называющие страны, города и другие местности, когда они используются для обозначения спортивных команд. Например:

France had the first win of their Australasian Tour when they beat the Wellington Provincial team 8-0 (Morning Star).

Liverpool, without really exerting themselves clinched their record tenth championship... (Morning Star).

West Ham also have home advantage – against Manchester United whom they beat at old Trafford (Morning Star).

В английском языке собирательные существительные, называющие спортивные команды, в функции подлежащего обычно согласуются со сказуемым или местоимением в форме множественного числа (*France – they; Liverpool – themselves, their; West Ham – have, beat, they*). Множественное число в таких случаях не только определяет характер собирательных существительных, но и выполняет новую функцию – уточняет смысл слова, т. е. выступает в языке как средство отграничения этих названий от соответствующих географических и других наименований.

Для профессионально-технической речи литовских спортсменов особенно характерны производные слова типа *šešetukas, vienuolikė, penkiolikė*, которые обозначают число членов команды и одновременно имеют значение собирательности. Такие существительные употребляются только в языке спорта, так как они определяют не только число спортсменов в команде, но и указывают на вид спорта (*vienuolikė – футбол и т. д.*).

Подведем итоги. По грамматическим, семантическим и логико-понятийным признакам собирательные существительные выделяются и в литовском, и в английском языках. Синтаксические связи этих существительных отражают характер девогата, показывая объединительную или раздельную собирательность (*crowd is/crowd are*).

Изменение формы числа (множественное число выступает вместо единственного) возможно в обоих сопоставляемых языках. Множественное число в одних случаях обозначает дискретную множественность (*dvi šeimos, two families*), а в других — помимо простой множественности выражает еще и увеличенную, гиперболизированную множественность (*minios, crowds* и т. д.).

При описании природы множественное число имеет значение интенсивности, длительности, частой повторяемости (*lietūs, storms*).

В определенных контекстах большинство несобирательных существительных, обычно употребляемых метонимически, приобретает значение собирательности и носит название контекстуальных собирательных существительных (*kaimas krūptelėjo, susigūžė; West Ham have* и др.). Такие переосмысленные существительные получают стилистическую коннотацию в художественно-беллетристическом, публицистическом и повседневно-бытовом стилях.

THE STYLISTIC FUNCTIONS OF NUMBER FORMS OF COLLECTIVE NOUNS IN LITHUANIAN AND ENGLISH

Summary

The contrastive analysis of collective nouns in Lithuanian and English has shown differences and similarities both on morphological and syntactic levels. Apart from their denotative meaning, collectives may have various connotative functions in both languages. The variability of number forms of the collective nouns discloses different stylistic functions: intensity, hyperbolization, frequency, reiteration. The most expressive use of collectives is found in belles-lettres and spoken language.

ЛИТЕРАТУРА

- Будагов, 1965 — Будагов Р. А. Введение в науку о языке. — М., 1965.
Виноградов, 1972 — Виноградов В. В. Русский язык. — М., 1972.
Есперсен, 1958 — Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.
Котова, 1964 — Котова З. И. Собирательные существительные в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1964.
Nesfield, 1931 — Nesfield I. C. English Grammar Past and Present. — L., 1931.
Pikčilingis, 1975 — Pikčilingis J. Lietuvių kalbos stilistika: 2 t. — V., 1975, t. 2.
Quirk et al., 1972 — A Grammar of Contemporary English/Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J./ — N. Y.; L., 1972.
Sweet, 1924 — Sweet H. A New English Grammar: Logical and Historical. P. 2. — Oxford, 1924.
Zandvoort, 1960 — Zandvoort R. W. A Handbook of English Grammar. — L., 1960.

Вильнюсский государственный университет
им. В. Капсукаса
Кафедра английского языка
гуманитарных наук

Вручено
10 января 1986 г.